

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Под редакцией
академика Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

25

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ

ЛЕНИНГРАД
«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

Н. Г. ГОРБУНОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ФЕРГАНЫ

Географическое положение Ферганы, земледельческой страны, окруженной скотоводческими племенами окрестных гор, наложило отпечаток на историю сложения населения и его культуры. Эту особенность неоднократно подчеркивал А. Н. Бернштам¹. Постоянное проникновение скотоводов, приходящих традиционными путями через горные перевалы или «Ходжентские ворота» на западе долины, было одной из причин обитания здесь разноплеменного населения. Пришельцы постепенно оседали, смешивались с местными жителями, сохраняя при этом связи с населением территории своего первоначального обитания. Значительную роль в истории Ферганской культуры играли юго-западные, южные связи с древнеземледельческими центрами, впоследствии среднеазиатскими государствами. Особое значение имели постоянные контакты с присырдарьинскими племенами, которые, проникая в западные районы долины, способствовали установлению связей с населением степей и общности в культуре населения Ферганы и присырдарьинских районов. Еще одно направление контактов — с населением Восточного Туркестана через перевалы Фергацкого хребта и восточного Алтая. Все эти явления прослеживаются на протяжении длительного развития древних культур Ферганы.

Наиболее ранними из исследованных ферганских памятников в свете рассматриваемой темы являются памятники эпохи бронзы (конец II — начало I тысячелетия до н. э.). Как известно, в это время здесь существуют две культуры: земледельческая — чустская² (рис. 1, 30—46) и скотоводческая степного типа, на-

зываемая кайраккумской³ (рис. 1, 47—57). (Наличие двух культур эпохи бронзы в Фергане впервые отметил А. Н. Бернштам)⁴.

Вопрос о происхождении обеих культур является дискуссионным. По поводу чустской культуры существуют две основные точки зрения.

Согласно одной, она является местной, испытывает опосредованное влияние земледельческих культур юга Средней Азии⁵. (Отмечались также некоторые элементы ее сходства с культурой керамики Восточного Туркестана⁶ и Центральной Индии⁷). Другая точка зрения состоит в том, что чустская культура («чустская культурная общность») могла сложиться в результате перехода степных племен к земледелию⁸. Однако при этом, как указывает Ю. А. Заднепровский, остается неясным, чем объясняется коренное изменение в гончарном производстве (переход от керамики степного типа к расписной)⁹.

Кажется более вероятным, что первичной в Фергане была земледельческая культура круга культур расписной и крашеной керамики (истоки ее в Фергане пока не обнаружены, впрочем так же, как и истоки кайраккумской). По своим природным условиям Фергана принадлежит к районам, для которых более характерна земледельческая культура, но развитие ее шло, вероятно, более медленными темпами, нежели на юге Средней Азии, и культуры типа Анау или Сапалли здесь не сложилось. В формировании чустской культуры должны были, видимо, сыграть роль земледельческие племена юга, о связях с которыми свидетельствуют такие находки,

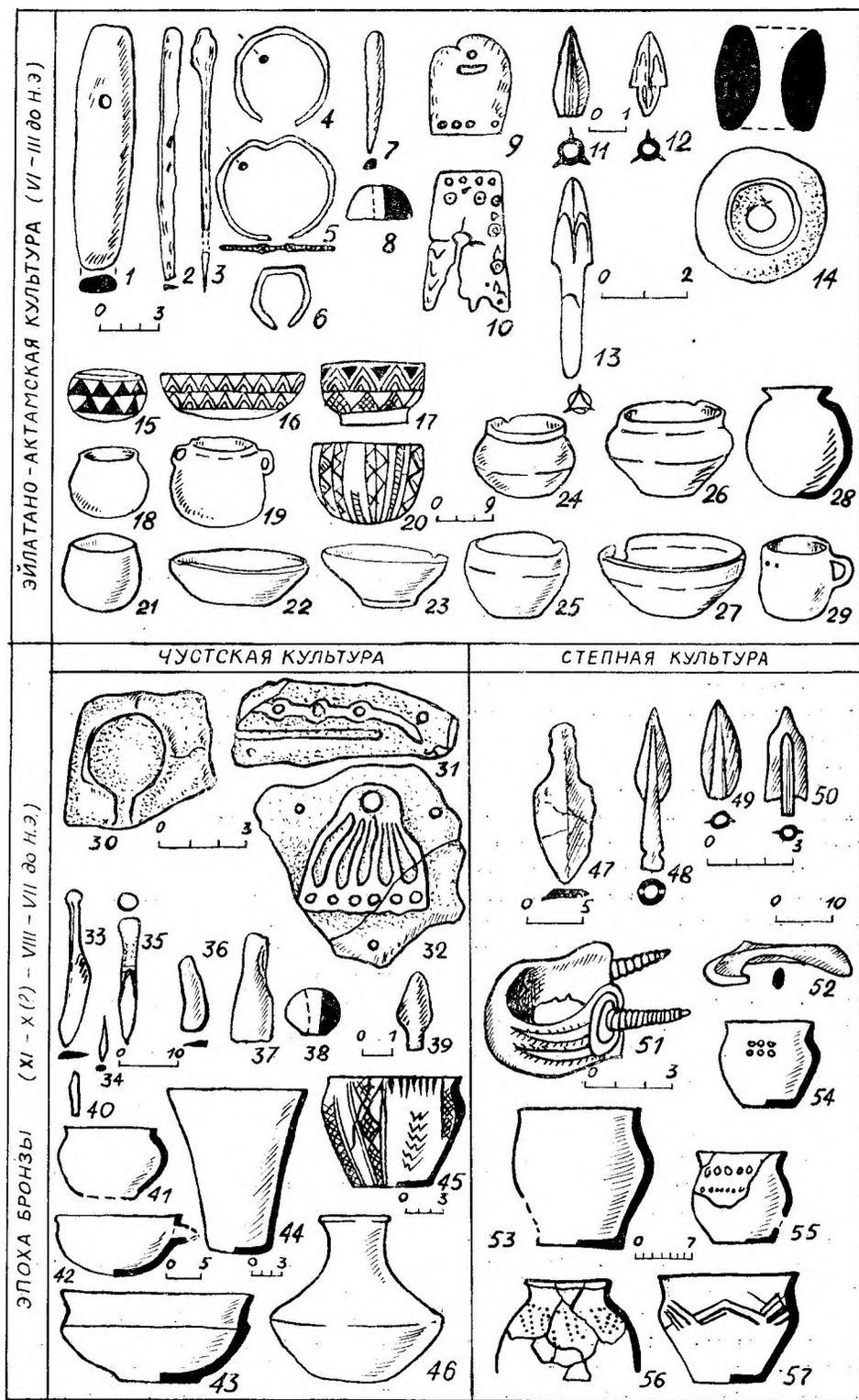

Рис. 1. Эпоха бронзы и эйлатано-актамская культура: 1—4, 6—12, 15—19, 21—27, 29 — могильник Ак-там; 5 — могильник Суфан; 13, 20 — могильник Кунгай; 14 — городище Эйлатан; 30—44, 45 — городище Дальверзин; 45 — поселение Ашкал-тепе; 47, 50, 52 — Кайрак-кумы; 48 — Большой Ферганский канал; 49, 53—57 — Вуадильский могильник; 50 — случайная находка, Узгенский район; 1, 7, 14, 30—32, 36—38 — камень; 2, 3, 4, 6 — железо; 5, 11—13, 33—35, 39, 47—52 — бронза; 8, 15—29, 41—46, 53—57 — глина; 9, 10, 40 — кость (14 — по Т. Г. Оболдуевой; 30—45, 46, 48 — по Ю. А. Заднепровскому)

как каменное изображение змей третьего — второго тысячелетия до н. э. эламского происхождения, обнаруженное в Сохе¹⁰, Хакский клад¹¹, бронзовые фигурки людей из Афлатуна¹², стиль некоторых наскальных изображений в урочище Саймалы-Таш, аналогии которому находят в росписи керамики древнего Ирана¹³. Не исключено, что речь может идти и о переселении какой-то части южных племен, о чем свидетельствует и антропологический тип носителей чустской культуры, характеризуемый как средиземноморский, долихокранный¹⁴. (Косвенным подтверждением такого предположения является, возможно, исследуемое в последние годы древнеземледельческое поселение Саразм в долине Зеравшана)¹⁵. Однако недостаточное количество материалов с промежуточных территорий не позволяет говорить об этом более определенно.

В то же время степные племена, культура которых сходна, в первую очередь, с культурами населения Семиречья¹⁶ и Средней Сырдарьи¹⁷, издавна, видимо, проникали в Фергану. Последняя являлась как бы «пограничным» районом, где перемешивались культуры населения с разным хозяйственным укладом, имевшие, возможно, в обоих случаях местные истоки¹⁸.

Процесс взаимовлияния обеих культур начался, вероятно, на ранней стадии развития и продолжался позднее. Так, характеризуя металлические изделия кайракумской культуры, Б. А. Литвинский указывал на их специфику, в которой прослеживается влияние металлического производства эпохи бронзы Казахстана, Сибири, Восточного Туркестана и юга Средней Азии¹⁹. Е. Е. Кузьмина отмечала связь Ферганы с киргизско-казахстанским металлургическим центром, выделяя три группы металлических изделий чустской культуры, связанных с различными центрами происхождения²⁰. Взаимовлияние обеих культур прослеживается и в керамике: имеются случаи совместных находок различных сосудов в могильниках Таш-Курган²¹, Дашти-ашт²² и Вуадиль, сочетания формы сосудов степной культуры с выделкой и расписным орнаментом чустской.

Таким образом, в начале первого тысячелетия до н. э. в Фергане обитали племена с различным хозяйственным укладом, возможно, различные этнически, имевшие разные культуры. В результате их длительного активного взаимодействия возникает культура эпохи раннего железа (рис. 1, 1—29).

В периодизации культур древней Ферганы это время, VI—III вв. до н. э. (начало сложения новой культуры, возможно, конец

VIII—VII в. до н. э.), выделялось как самостоятельный этап, обычно называемый эйлатанским²³, хотя Ю. А. Заднепровским уже был введен термин «эйлатанская культура»²⁴. Действительно, культура ферганцев в это время самобытна и совершенно очевидно отличается от предшествующих и последующей. Название ее «эйлатано-актамская» отражает специфику Ферганы, где постоянно взаимодействуют культуры земледельцев и скотоводов (двучленное название происходит от первого известного городища Эйлатан²⁵ и могильника Ак-там). Памятники, относящиеся к ней, в основном — могильники (исключение пока только Эйлатан), хотя находки соответствующей керамики имеются и в нижних слоях некоторых поселений. Общая характеристика культуры уже приводилась²⁶. Следует добавить материалы с поселения территории Ленинабада²⁷, из могильников Урюк-зор, Талмазар²⁸, Дашти-ашт²⁹, Керкидон³⁰, Озгор II³¹. Это была культура местных земледельческо-скотоводческих племен, но если для предыдущего этапа говорилось о наличии двух культур, то теперь нам известна лишь одна, в которой можно будет в дальнейшем выделить этапы. Например, к числу наиболее ранних находок относятся бронзовый котел (VIII в. до н. э.)³², а из памятников — Кунгайский могильник (VI—V вв. до н. э.)³³. К числу наиболее поздних памятников относится и само городище Эйлатан³⁴.

В эйлатано-актамской культуре прослеживаются три основных компонента, свидетельствующих о путях ее сложения. 1. Генетические традиции: от чустской — изготовление лепной расписной посуды, некоторые ее формы, обычай погребения в грунтовых могилах. Последний был характерен и для степной культуры (но там могилы укреплялись по краям камнями), от которой сохраняются также традиции положения погребенных головой на запад, создание «семейных усыпальниц» и использование иногда огня при погребении. 2. Юго-западные связи ферганцев, выразившиеся в заимствовании гончарного круга и технологии выделки круговой посуды при выработке своих ферганских форм. 3. Общие черты с культурой ранних кочевников соседних территорий, в первую очередь, Алая, Кетмень-тюбе³⁵, несколько далее — с культурой территорий Семиречья, Таласа, Тянь-Шаня, Средней Сырдарьи (элементы погребального обряда: расположение курганов цепочкой, такая же западная ориентировка погребенных, каменные «подушки» под головой, помещение посуды в ниши, сходство в некоторых ее формах, идентичность отдельных украшений и пр.)³⁶. Продолжаются контакты с Индией,

судя по находкам сердоликовых бусин с травленым орнаментом.

В антропологическом типе населения отмечаются изменения. Оно более смешанное, относится к брахицефальному типу среднеазиатского Междуречья (есть также представители долихо- и мезоцефального типа) и занимает промежуточное положение между обитателями южных и северных районов Средней Азии³⁷. Особенностью его является встречающаяся деформация головы.

Таким образом, прослеживаются те же основные направления связей, что и для предыдущего периода: южные и юго-западные, с более развитыми цивилизациями, а также с окрестным скотоводческим населением. Проникновение последнего в Фергану продолжалось. Переход к кочевому скотоводству увеличил потребность в новых пастбищах, которые имелись в Фергане, усилил потребность в обмене продуктов животноводства на высококачественные изделия земледельцев. Пути проникновения скотоводов были, видимо, те же: перевалы Чаткальского и Ферганского хребтов, дороги по Сырдарье с запада и Нарыну с северо-востока. Вероятно, процесс этот был не всегда мирным, что могло послужить причиной запустения земледельческих оазисов (количество известных поселений эйлатано-актамской культуры значительно меньше чустских поселений, последние почти не бывают перекрыты слоями эйлатано-актамскими). Самые ранние передвижения пока не прослеживаются, хотя, может быть, отражением этого являются находки медных котлов, удила (удила были известны в чустской и кайракумской культурах, псалин — в чустской), бронзовых наконечников стрел, уздечных костяных блях. Пришлое население в условиях Ферганы быстро переходит к оседлости, земледелию, что способствует постепенному нивелированию культур.

Имя древних ферганцев не известно, но уже неоднократно отмечалось, что они скорее всего относились к кругу сакских племен³⁸, хотя в эйлатано-актамской культуре и отсутствует обязательная «триада» саков, что, возможно, является результатом смешения сакского населения с родственным ему ферганским.

Эти ферганцы и были, видимо, основателями владения Давань, известного в конце первого тысячелетия до н. э., по китайским хроникам³⁹, как несомненно земледельческое владение, где значительную роль играли скотоводческие племена, возможно, возглавлявшие его⁴⁰.

Новые изменения в культуре ферганцев происходят во II в. до н. э., о чем писали

многие исследователи⁴¹. Это время сложения кугайско-карабулакской культуры⁴², в которой различаются три этапа: ранний (II в. до н. э.— I в. н. э.), средний (I—IV вв.) и поздний (IV—VII вв.) (рис. 2). Название, как и предыдущее, образовано от названий первого исследованного поселения Кугай и наиболее известного богатого могильника Кара-Булак. Новое отмечается в строительном деле, архитектуре, погребальном обряде, гончарном производстве, вооружении, орудиях труда, бытовой утвари, украшениях. Прослеживается также несколько компонентов в ее формировании: продолжение местных традиций, широкие культурные связи со странами, входившими в состав Кушанского государства, Восточным Туркестаном и Китаем, общие черты с культурой кочевников соседних горных и степных районов и более дальних — степной Евразии.

Генетическая преемственность и постепенность изменений прослеживается на некоторых формах керамики⁴³, орудиях труда и бытовой утвари (ножи, прясла, косметический прибор — каменная палочка-сурьматаш и графит), традиции погребения в каменных ящиках и мелких грунтовых могилах преимущественно с западной ориентировкой погребенных. Постепенные изменения начинаются на раннем этапе культуры, но небольшое число изученных памятников ограничивает наши суждения.

В развитии гончарного производства (красный ангоб и лощение) сыграли роль традиционные связи с юго-западными районами Средней Азии. Контакты осуществлялись через западные районы долины и территорию будущей Уструшаны. Не исключено и продвижение сюда части согдийцев в результате походов Александра Македонского. Именно распространением новой технологии с запада можно, по-видимому, объяснить более длительное сохранение традиции выделки лепной расписной и крашеной посуды в восточных районах Ферганы⁴⁴. Заимствуя новую технологию, ферганцы сохраняют свои традиции, перерабатывая новое на свой лад, о чем свидетельствуют формы посуды и сохраняющийся обычай ее декорировать, но уже в новой технике. Причем в процарапанном орнаменте красноангобированной посуды сохраняются как традиционные элементы, идущие еще от росписи чустской керамики, так и новые — результат влияния иной по стилю росписи шурабашатской посуды. Кроме того, появляются изображения животных и растений. Но наблюдается и сходство некоторых форм ферганской посуды с керамикой Согда⁴⁵, Бактрии⁴⁶.

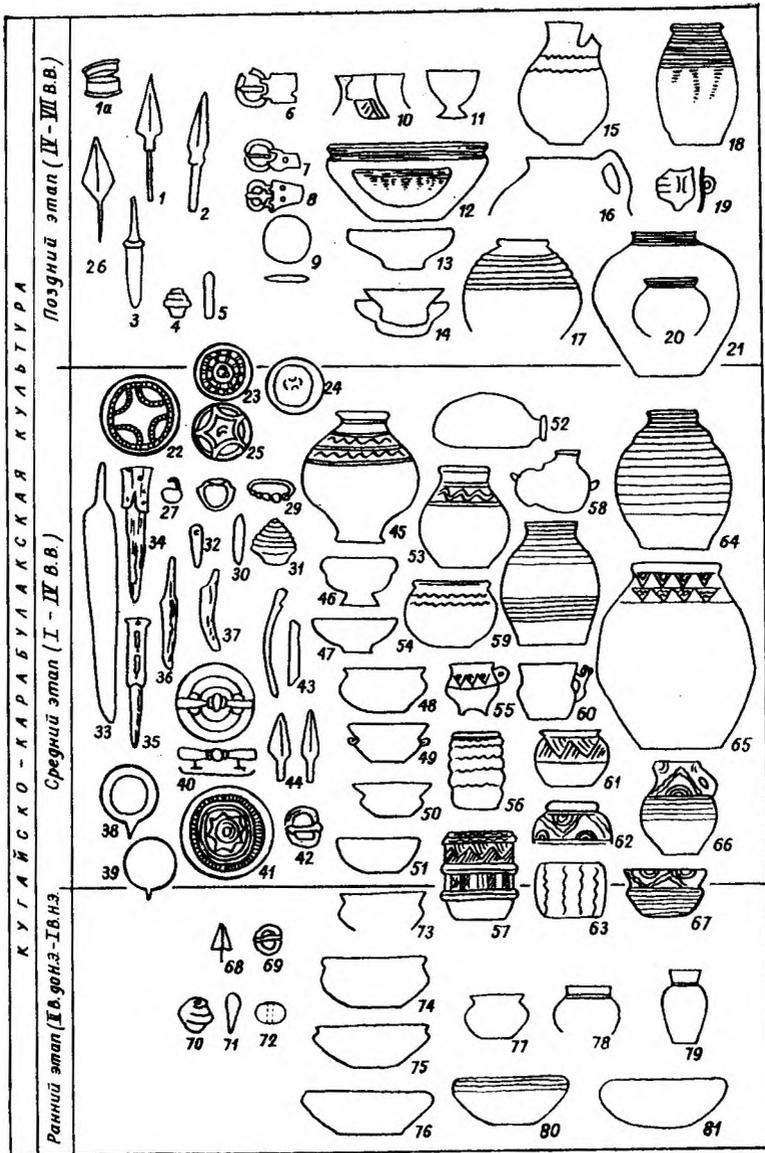

Рис. 2. Кугайско-карабулакская культура: 1, 2, 6, 7 — могильник Хангиз II; 1a, 3—9, 11 — могильник Кокташ у Вуадиля (1a — реконструкция); 10 — поселение Мунчак-тепе II; 12—21 — поселение Куюк-тепе II; 22, 38—41 — могильник Тура-таш; 23, 27—30, 35 — могильник Урюкзор; 24 — могильник Чорку II; 25 — могильник Гурмирон; 26 — поселение Кайрагач; 31, 50, 51 — поселение 5а; 32—34, 45—47, 53—55, 58 — могильник Кара-булак; 36, 43, 61 — могильник Хангиз I; 37 — могильник у Ворухского ущелья; 42 — могильник Рапкан-мазар; 44, 59, 64, 65 — поселение Куюк-тепе I; 48, 57 — поселение Мунчак-тепе; 49, 56, 60 — поселение Гайрат-тепе II/2, 3; 52 — могильник у кишлака Ворух; 62, 63, 66, 67, 71, 72 — городище Шурабашат; 68, 69 — могильник Багджой; 70, 73, 74, 76, 77, 78 — поселение 5а (нижний слой); 75 — поселение Сым-тепе; 79 — могильник Талмазар; 80, 81 — поселение Тудан-Хурд; 1—3, 6, 26, 33, 36, 37, 42, 44, 68, 69 — железо; 1a, 7—9, 22—29, 38—41 — бронза; 5, 30, 32, 71 — камень; 4, 10—21, 31, 45—67, 70, 72—81 — глина (62, 63, 66, 67, 80, 81 — лепная посуда, остальные — круговая); 34 — железо и кость; 35 — железо, латунь, кость; 43 — кость (22, 32—34, 38—41, 45—47, 53—55, 58 — по Ю. Д. Баруздину; 26 — по Г. А. Брыкиной; 37, 52 — по Б. А. Литвинскому; 49, 56, 60 — по В. И. Козенковой; 62, 63, 66, 67, 71, 72 — по Ю. А. Заднепровскому; 68, 69 — по М. Э. Воронцу; 79 — по В. Д. Жукову; 80, 81 — по Е. Д. Салтовской)

Возможно, о связях с Индией свидетельствуют находки там красноангобированной керамики с процарапанным узором⁴⁷. Более убедительны в этом плане хорошо известная ручка от зеркала в виде индийской танцовщицы⁴⁸ и две бронзовые подвески из могильников Кара-Булак и Тура-таш⁴⁹. Первую, в виде руки со сжатыми пальцами, обычно сравнивают с подвесками в виде кукиша из египетского фаянса⁵⁰ (последние тоже известны в Фергане). Однако это не совсем правильно, ибо большой и указательный пальцы просто сомкнуты, и жест руки не понятен. Кроме того, на запястье имеется браслет, не характерный для эллинистических изделий. Вторая, ошибочно фигурирующая в литературе как подвеска в виде руки, на самом деле изображает ноги, на лодыжках которых надеты браслеты. В обоих случаях наличие браслетов свидетельствует скорее об индийской, нежели об эллинистической традиции. Среди украшений все еще встречаются сердоликовые бусы с травленным орнаментом, известны раковины каури, из которых иногда составлены ожерелья.

О связях с Восточным Туркестаном и далее с Китаем свидетельствуют некоторое сходство расписной шурабашатской керамики с восточнотуркестанской⁵¹, а также неоднократные находки монет «у-шу» (входивших обычно в женские украшения), китайских зеркал⁵² и тканей⁵³, бронзовых перстней-печаток⁵⁴, плетеных изделий, гребней⁵⁵.

Многообразными были связи с областями, расположенными к северо-западу от Ферганы, — присырдарьинскими районами, а через них — с кочевым миром степей и далее — с Северным Причерноморьем. Они были обусловлены тесными связями ферганцев с населением владения Кангюй (являвшимся, как считает Б. А. Литвинский, ретранслятором сарматского влияния на культуру Ферганы⁵⁶) и трассой Великого Шелкового пути, одно из направлений которого проходило через Фергану. Помимо керамики, особенно сходной с керамикой западных гончарных центров Ферганы (что проявляется больше в позднем этапе кугайско-карабулакской культуры), об этих связях свидетельствуют сходство в форме зеркал «сарматского» типа, находки изделий полихромного стиля, калачиковидных серег, глиняных и алебастровых «идолов», бус античного производства (например, в технике микромозаики), стеклянных сосудов.

Постоянными были контакты ферганцев и с населением, обитавшим в ближайших горных и степных районах. Это прослеживается, в частности, на ареалах некоторых изделий. Например, деревянные столики и посуда, по-

мимо Ферганы, известны в погребениях Таласа, Тянь-Шаня, Восточного Туркестана, ферганский косметический прибор — на Средней Сырдарье, Чаткале, Таласе, Алае⁵⁷, бронзовые туалетные коробочки — на Алае и Тянь-Шане⁵⁸. Из числа разнообразных бронзовых зеркал (в Фергане известно свыше 70) некоторые распространены в пределах этого же ареала: китайские — на Средней Сырдарье, Таласе, в Кетмень-тюбе, Восточном Туркестане, Алае (в Бактрии и Согде — единичные экземпляры), дисковидные орнаментированные с петелькой на обороте и без нее — на Средней Сырдарье и Чаткале. Китайские ткани и монеты у-шу известны на Таласе и в Восточном Туркестане. Из числа украшений изделия полихромного стиля известны в Средней Азии на Средней Сырдарье, в Кетмень-тюбе, на Таласе, Алае, Семиречье. Примерно на тех же территориях встречены калачиковидные серьги.

Но если определенный ареал находок свидетельствует об общих чертах в культуре и традиционных тесных контактах, то по особенностям погребальных сооружений и обряда можно, видимо, судить о передвижении населения. Вопрос о том, кому принадлежат курганные могильники Ферганы, был неоднократно предметом дискуссии. Все признают их памятником скотоводов; мнения разделяются по поводу того, пришлое это население или местное⁵⁹. Ю. А. Заднепровский высказывал в данном случае предположение о разных группах пришлое население. Им же было предложено районирование погребальных памятников в Фергане и, шире, в Средней Азии⁶⁰. Пересмотр заново накопленного материала позволяет говорить о существовании в Фергане нескольких районов, различающихся по преобладанию и разному сочетанию типов погребальных сооружений. Анализ возможных истоков появления последних в Фергане позволил высказать предположение о том, что многотипность погребальных сооружений в Фергане — свидетельство проникновения сюда различных групп скотоводческого населения⁶¹. (Следует отметить, что для первых веков нашей эры разнотипность погребальных сооружений отмечают и исследователи культуры Кауңчи на Средней Сырдарье, объясняя это также приходом новых групп населения)⁶².

Антропологические материалы, несмотря на их недостаточное количество, свидетельствуют о смешанном характере населения в Фергане этого времени. Заметных изменений в расовом типе, по-видимому, не происходит, в целом население относится к мезо-брахикранному европеоидному типу Среднеазиат-

ского Междуречья с единичными вкраплениями восточномедитерранского типа и незначительной примесью монголоидных черт. Имеется деформация головы⁶³.

Анализ данных археологии позволяет говорить о проникновении в Фергану новых групп населения как из ближних, так, возможно, и более дальних районов. Но смешение с аборигенами опять-таки приводит к общему нивелированию культуры. Вопрос о том, пришлому или местному населению принадлежит могильники Ферганы этого времени, следует, видимо, решать именно в этом аспекте: были пришлые, стали местными. Отсюда их очевидная связь с земледельческим населением и расположение рядом поселений и могильников.

Археологические данные находят свое объяснение в исторических событиях. Движение кочевников конца первого тысячелетия до н. э. подняло с места разные племена. Не все из них дошли до южных районов и участвовали в разгроме Греко-Бактрии. Какая-то часть по дороге оставалась в разных районах, в том числе и в Фергане. Причем на юго-западе долины, где земли, возможно, были менее заняты в предшествующий период земледельческим населением, концентрируется наибольшее число пришлого. В данной статье невозможно рассмотреть вопрос о том, какие именно племена, помимо самих ферганцев, участвовали в освоении Ферганы. Известно, что жители владения Давань находились в постоянных контактах с племенами владения Кангюй, Усунь, что через Давань проходили юечжи. (В последнее время было высказано предположение о существовании племен, условно называемых «восточными сарматами»⁶⁴, или особой группы «юечжей дома Чжаову», родственных племенам сарматского круга)⁶⁵. Можно предположить, что все эти племена, наряду с местными саками, участвовали в сложении ферганского населения и его кугайско-карабулакской культуры. Проникновение их в Фергану было связано не только с военными событиями. Немаловажную роль играли, вероятно, традиционные и устойчивые трассы кочевания. В условиях Ферганы скот отгонялся в ближайшие предгорья, горные и степные долины: на севере — Чаткал, Кетмень-тюбе, Талас, на западе — Среднюю Сырдарью, на юге — Алай. По сведениям султана Бабура (XV в.) в его время, например, существовало племя чограк, о котором он писал: «Они живут в горах между Ферганой и Кашгаром»⁶⁶. Несомненно большую роль играл Великий Шелковый путь, одна из трасс которого, вероятно, проходила через Алай и затем через бассейны рек Соха и

Исфары выходила в Фергану, на Среднюю Сырдарью и далее.

Таким образом, на протяжении длительного времени Фергана являлась центром, притягивавшим многочисленные племена окрестного скотоводческого населения. Среди них были «безымянные» скотоводы эпохи бронзы, затем саки, усунь, кангюйцы. Через Фергану проходили юечжи, частично хунну. Часть из них оставалась на ее плодородных землях. Однако, за исключением эпохи бронзы, не удается пока выделить «в чистом виде» культуру переселенцев и можно только фиксировать черты, сближающие культуры ферганцев и их ближайших соседей. Постоянность процесса проникновения, а также вероятная этническая близость населения с различным хозяйственным укладом облегчали ассимиляцию новых групп населения в среде аборигенов и способствовали созданию культурной общины.

Население Ферганы в той или иной мере оказывалось причастным ко многим событиям в истории народов Средней Азии, о чем свидетельствует и синхронность в смене периодов развития ее культуры и культур других среднеазиатских областей. Но в течение веков сохранялась ее самобытность. Она не входила в состав Греко-Бактрийского и Кушанского государств. Но в то же время саки Ферганы внесли свой вклад в борьбу с войском Александра Македонского, а какая-то часть ферганцев могла принять участие в штурме Греко-Бактрии, что в дальнейшем сыграло роль в установлении связей с Кушанским государством. Не исключено, что ферганцы участвовали и в движении среднеазиатских народов IV—VI вв. Все вместе способствовало образованию в Фергане самобытных культур, в которых как бы сплавлялись культуры земледельцев и скотоводов. Недаром вплоть до раннего средневековья Фергана не знала денежного обращения, нет в ней ни живописи, ни скульптуры, ни мелкой пластики, за исключением грубых «идолов». Она ближе к скотоводческо-земледельческому присырдарьинским культурам, нежели к культурам развитых земледельческих центров юга Средней Азии. Являясь ближайшим земледельческим районом для окружающего ее скотоводческого населения, она была своего рода ретранслятором связей между древними государствами Средней Азии и миром кочевников ее северо-востока и далее — Казахстана, Алтая, Сибири.

¹ Бернштам А. Н. *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*. — МИА, М., 1952, № 26, с. 186—190.

- ² Заднепровский Ю. А. *Древнеземледельческая культура Ферганы*.—МИА, М., 1962, № 118, с. 11—49; Он же. *Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1978; Спришевский В. И. *Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1963.
- ³ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. *Древности Кайрак-кумов (древнейшая история северного Таджикистана)*. Душанбе, 1962, с. 89—287.
- ⁴ Бернштам А. Н. *Историко-археологические очерки...*, с. 186.
- ⁵ Массон В. М. *Древнеземледельческая культура Маргианы*.—МИА, М., 1959, № 73, с. 114; Литвинский Б. А. Рецензия на книгу Ю. А. Заднепровского «Древнеземледельческая культура Ферганы».—СА, М., 1965, № 4, с. 263.
- ⁶ Киселев С. В. *Неолит и бронзовый век Китая*.—СА, М., 1960, № 4, с. 252, 253; Заднепровский Ю. А. *Древнеземледельческая культура...*, с. 107; Литвинский Б. А. *Рецензия...*, с. 263.
- ⁷ Заднепровский Ю. А. *Древнеземледельческая культура...*, с. 105, 106.
- ⁸ Он же. *Чустская культура...*, с. 47, 48; Аскарлов А. А. *Южный Узбекистан во II тысячелетии до н. э.*—В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 177, 178.
- ⁹ Заднепровский Ю. А. *Чустская культура...*, с. 48.
- ¹⁰ Воронец М. Э. *Каменные изображения змей из кишлака Сох Ферганской области*.—КСИИМК, М., 1956, вып. 61; Kohl P. *Seeds of Chlorite of Tere Yahya and Analysis of Commodity Production and Trade in Southwest Asia in the Mid-third Millenium*. Michigan, USA, 1974.
- ¹¹ Сорокин С. С. *Хакский клад*.—СГЭ, Л., 1966, [вып.] 19, с. 28—32.
- ¹² Заднепровский Ю. А. *Древнеземледельческая культура...*, с. 56.
- ¹³ Бернштам А. Н. *Наскальные изображения Саймалы-Таш*.—СЭ, М., 1952, № 2, с. 56; Шер Я. А. *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. М., 1980, с. 206, 207.
- ¹⁴ Гинзбург В. В. *К антропологии населения Ферганской долины*.—В кн.: Заднепровский Ю. А. *Древнеземледельческая культура...*, с. 214, 215.
- ¹⁵ Isakov A. *Excavations of Bronze Age Settlement of Sarazm*.—In: *The Bronze Age Civilisation of Central Asia*. New York, 1981, pp. 273—286.
- ¹⁶ Кузьмина Е. Е. *Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы*.—КСИА, М., 1970, вып. 122, с. 45, 46.
- ¹⁷ Литвинский Б. А. и др. *Древности Кайрак-кумов...*, с. 230, 231.
- ¹⁸ Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. *Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины*.—СА, М., 1957, № 3, с. 44; Литвинский Б. А. *Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (среднеазиатский аспект арийской проблемы)*.—В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 157.
- ¹⁹ Литвинский Б. А. и др. *Древности Кайрак-кумов...*, с. 231.
- ²⁰ Кузьмина Е. Е. *Металлические изделия неолита и бронзового века в Средней Азии*.—САИ, М., 1966, вып. В4—9, с. 93, 94.
- ²¹ Горбунова Н. Г. *Итоги исследований археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы)*.—СА, М., 1979, № 3, с. 22.
- ²² Салтовская Е. Д. *О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане*.—КСИА, М., 1978, вып. 154, с. 96.
- ²³ Заднепровский Ю. А. *Древняя Фергана*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954, с. 78; Латынин Б. А. *Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.*—АСГЭ, Л., 1961, вып. 3, с. 167; Горбунова Н. Г. *Культура Ферганы в эпоху раннего железа*.—АСГЭ, Л., 1962, вып. 5, с. 104.
- ²⁴ Заднепровский Ю. А. *Городище Эйлатан*.—СА, М., 1960, № 3, с. 44, 45.
- ²⁵ Заднепровский Ю. А. *Городище Эйлатан*; Оболдуева Т. Г. *Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан*.—КСИА, М., 1962, вып. 91; Она же: *О датировке стен Эйлатана*.—СА, М., 1981, № 4.
- ²⁶ Горбунова Н. Г. *Культура Ферганы...*; Заднепровский Ю. А. *Древнеземледельческая культура...*, с. 108—116, 165—168.
- ²⁷ Беяева Т. В. *К открытию древнего поселения на территории Ленинабада*.—В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- ²⁸ Горбунова Н. Г. *Раскопки курганов в Ферганской области*.—УСА, Л., 1975, № 3, с. 29, 30.
- ²⁹ Салтовская Е. Д. *Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках»*.—УСА, Л., 1975, № 3.
- ³⁰ Кожемяко П. Н., Винник Д. Ф. *Новые исследования археологов Киризии*.—Вестник Академии наук СССР, М., 1965, № 2.
- ³¹ Заднепровский Ю. А. *Ошский оазис в древности*.—АО 1979 г., М., 1980, с. 483.
- ³² Заднепровский Ю. А. *Древнеземледельческая культура...*, с. 164; Литвинский Б. А. *Древние кочевники Крыши мира*. М., 1969, с. 50.
- ³³ Горбунова Н. Г. *Могилиник Кунгай*.—АСГЭ, Л., 1961, вып. 3; Она же. *Суфанский могилиник*.—АСГЭ, Л., 1969, вып. 11, с. 89.
- ³⁴ Оболдуева Т. Г. *О датировке...*, с. 194.
- ³⁵ Бернштам А. Н. *Историко-археологические очерки...*, с. 200; Заднепровский Ю. А. *Древнеземледельческая культура...*, с. 156; Мокрынин В. П. *Раннекочевнические курганы в урочище Теке-Таш*.—В кн.: Кетмень-тюбе. Фрунзе, 1977, с. 81—85.
- ³⁶ Горбунова Н. Г. *Культура Ферганы...*, с. 116—119.
- ³⁷ Холжайов Т. К. *К палеоантропологии древнего Узбекистана*. Ташкент, 1980, с. 155.
- ³⁸ Бернштам А. Н. *Историко-культурные очерки...*, с. 210, 211; Литвинский Б. А. *Саки, которые за Согдом*.—ТАН Таджикской ССР, Сталинабад, 1960, т. 120; Горбунова Н. Г. *Фергана по сведениям античных авторов*.—В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- ³⁹ Бичурин Н. Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М., 1950, т. 2, с. 149.
- ⁴⁰ Tarn W. *The Greeks in Bactria and In-*

dia. Cambridge, 1951, p. 307, note 1.

⁴¹ Обзор см.: Горбунова Н. Г. *Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом*.— АСГЭ, Л., 1971, вып. 13, с. 83—85.

⁴² Горбунова Н. Г. *Кугайская (Кугайско-карабулакская?) культура Ферганы*.— Тезисы докладов на всесоюзном научном совещании «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1979, с. 97.

⁴³ Горбунова Н. Г. *Керамика поселений Ферганы первых веков н. э.*— ТГЭ, Л., 1959, т. 20, с. 132.

⁴⁴ Горбунова Н. Г. *Шурабашатская керамика в Восточной Фергане*.— АСГЭ, Л., 1977, вып. 18.

⁴⁵ Обельченко О. В. *Сазаганские курганы*.— ИМКУ, Ташкент, 1966, вып. 7, с. 77, рис. 2, 3.

⁴⁶ Литвинский Б. А. *Керамика из могильников Западной Ферганы*. М., 1973, с. 124; Ghirshman R. *Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans*.— In: *Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan*. Le Caire, 1946, t. XII, tab. XL, I B. G. 465.

⁴⁷ Sharma G. R. *Kushana Studies*. Alahabad (India), 1968, fig. 13, 14.

⁴⁸ Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г. *Бронзовая женская статуэтка из Карабулакского могильника*.— КСИА, М., 1961, вып. 85.

⁴⁹ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. *Археологические памятники Баткена и Лайляка (Юго-западная Киргизия)*. Фрунзе, 1962, с. 22, рис. 5 (подписи перепутаны, следует читать: 1 — могильник Тура-Таш, 2 — могильник Карабулак).

⁵⁰ Литвинский Б. А. *Украшения из могильников Западной Ферганы*. М., 1973, с. 116.

⁵¹ Bergman F. *Archeological Researches Sinkiang Especially the Lop Nor Region. The Sino-Swedish Expedition. Publication VII, Archeology*, Stockholm, p. 18—19, pl. 1; *Xinjang chüi wenpü*. Peking, 1975, pl. 7, 14, 15.

⁵² Литвинский Б. А. *Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы*. М., 1978, с. 98—104.

⁵³ Лубо-Лесниченко Е. И. *Шелковый путь*

в период шести династий (III—V вв.) (по новым материалам).— ТГЭ, Л., 1978, т. 19.

⁵⁴ Литвинский Б. А. *Украшения...*, с. 17 и 24; Горбунова Н. Г. *Об одной группе ферганских перстней*.— СГЭ, Л., 1983, [вып.] 48.

⁵⁵ Bergman F. *Archeological Researches...*, p. 124.

⁵⁶ Литвинский Б. А. *Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы*.— В кн.: *История и культура Средней Азии*. М., 1976, с. 55.

⁵⁷ Горбунова Н. Г. *Древний ферганский косметический прибор*.— В кн.: *Культура и искусство древнего Хорезма*. М., 1981.

⁵⁸ Бернштам А. Н. *Историко-археологические очерки...*, с. 86 и 202.

⁵⁹ Обзор дискуссии см.: Литвинский Б. А. *Курганы и курумы Западной Ферганы*. М., 1973, с. 30—64.

⁶⁰ Заднепровский Ю. А. *Археологические памятники Киргизии в связи с происхождением киргизского народа*.— ТКАЭЭ, М., 1959, т. 3, с. 28; Он же. *Археологические памятники южных районов Ошской области*. Фрунзе, 1960, с. 124—127; Он же. *Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э.—V в. н. э.)*.— В кн.: *Страницы истории и материальной культуры Киргизстана*. Фрунзе, 1975.

⁶¹ Горбунова Н. Г. *О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э.*— АСГЭ, Л., 1981, вып. 22.

⁶² Левина Л. М. *Керамика Нижней и Средней Сырдарьи*.— ТХАЭЭ, М., 1971, т. 7, с. 188.

⁶³ Ходжайов Т. К. *Палеоантропологии...*, с. 101, 159, 163.

⁶⁴ Мандельштам А. М. *Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы*.— В кн.: *Проблемы советской археологии*. М., 1978, с. 140.

⁶⁵ Вайнберг Б. И. *Монеты древнего Хорезма*. М., 1977, с. 77; Она же. *Скотоводческие племена в древнем Хорезме*.— В кн.: *Культура и искусство древнего Хорезма*. М., 1981, с. 128.

⁶⁶ Бабур Захириддин Мухамед. *Бабурнама*. Ташкент, 1958, с. 44.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

16

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „АВРОРА“
ЛЕНИНГРАД · 1974**

Н. Г. ГОРБУНОВА, В. И. КОЗЕНКОВА

СЫМ-ТЕПЕ — ПОСЕЛЕНИЕ В ФЕРГАНЕ

Поселение Сым-тепе, название которого происходит от когда-то находимых здесь серебряных браслетов, было расположено в центре города Ферганы, на левом берегу реки Маргелан-сай, на территории нынешнего парка культуры и отдыха¹.

Первые упоминания о нем имеются в литературе дореволюционного периода. Сообщалось об удалении значительных размеров холма, высотой до 3 сажен, занимавшего площадь около десятины. При проводившихся тогда земляных работах на разной высоте были обнаружены крупные сосуды (хумы). Эти хумы рассматривались как погребальные урны, хотя в них и не было человеческих костей, которые попадались отдельно, прямо в земле. В хумах же находили золу и кости домашних животных².

В 1939 г., во время работы экспедиции археологического надзора на трассе БФК, поселение было обследовано М. Е. Массоном, отметившим, на основании подъемного материала, наличие здесь древнего и средневекового слоев³. В 1951 г. архитектором Памяти Ферганской комплексной археологической экспедиции В. Саверкиным был снят план поселения (рис. 1).

В течение многих лет поселение разрушалось различными строительными работами и к моменту наших раскопок остался лишь холм овально-вытянутой формы площадью 400 м² при высоте 11 м. В изрытых склонах холма были видны не только остатки старых

кирпичных кладок, но и отдельные участки стен с сохранившейся местами глиняной обмазкой.

Раскопки были начаты с вершины, где в северной части сразу же обнаружилась кирпичная кладка площадки (площадка «А»), возможно, свидетельствующая о каком-то строительном этапе⁴. Эта кладка занимала площадь 350×150 см и состояла из трех рядов кирпича размером 45×35×10, 52×38×8 см, положенных плашмя на глиняный раствор. К ней примыкала узкая кладка шириной в один кирпич (40×30×8 см) с тамгой в виде косоугольного креста на кирпиче. Вокруг этих кладок и ниже, особенно к югу от них, шел рыхлый завал с включением золы и обломков керамики. При разборке его выявились стены нижнего помещения, заполнение которого состояло в верхней части из завала, а ниже — из закладки. Она начиналась с глубины от 60 см до 2 м в разных частях раскопа и уплотнялась к глубине. На такой забутовке на глубине 125 см был открыт культурный слой и уровень (площадка «С») еще одного несохранившегося помещения. Над этим уровнем возвышалась лишь надстроенная пахсой южная стена помещения, лежавшего ниже. Стена в этом месте была испорчена поздним погребением без инвентаря. Там, где площадка «С» примыкала к стене, были отмечены остатки глиняной обмазки, покрывавшей и стену, и кирпичную кладку площадки.

Забутовка основного помещения была сделана кирпичами размером 40×32×10, 32×24×12, 35×35×10, 65×30×10 см. На большинстве кирпичей, на стороне, лежащей вниз,

¹ В настоящее время поселение уже полностью уничтожено в связи с постройками в парке.

² «О раскопках в г. Скобелеве». — Газета «Новое время», 1910, 2 апреля; Известия Археологической комиссии, Спб., 1910, вып. 37, с. 182—183.

³ Приносим благодарность проф. М. Е. Массону, ознакомившему нас с записями в своем дневнике.

⁴ Раскопки проводились Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбургром в 1957—1958 гг., обработка материала — В. И. Козенковой и Н. Г. Горбуновой.

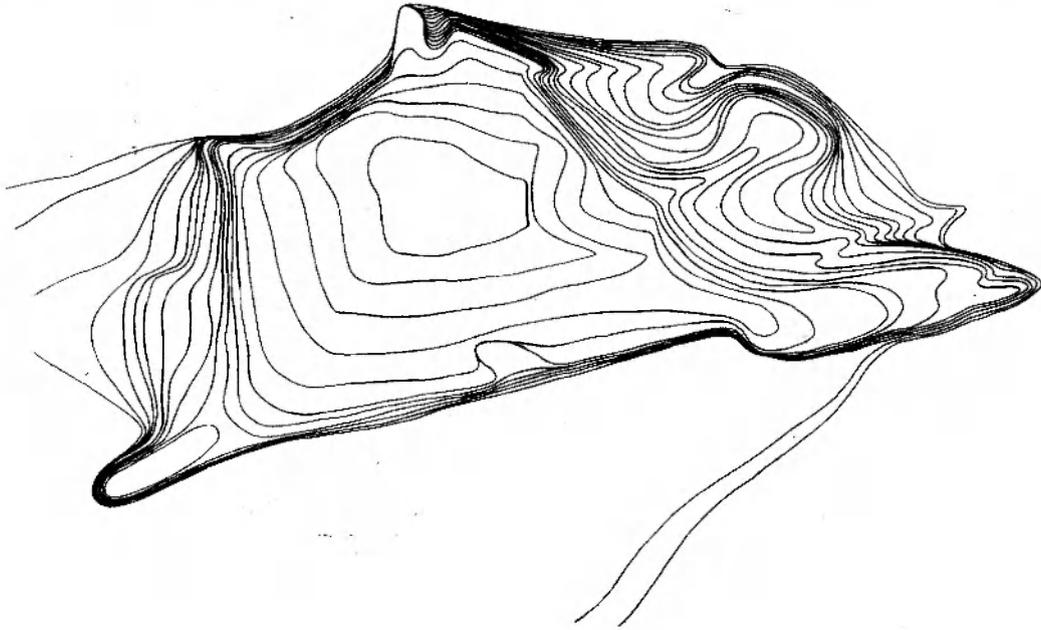

Рис. 1. План Сым-тепе.

были прочерчены тамги: Т-образная, прямой крест, параллельные прямые, линия, пересекающая кирпич по диагонали, знак в виде кавычек, круг и, наконец, знак, напоминающий латинскую букву F. Кирпичи были положены на глиняный раствор толщиной 4—5 см. В закладке сохранились пустоты от шести деревянных столбов диаметром 25—35 см, поддерживавших перекрытие и расположенных в два ряда. Вокруг одного из них на полу сохранилось кольцо из крупной гальки. Верхние концы столбов, судя по пустотам, были заужены, нижние — заострены и впущены в пол.

После выемки кирпичной забутовки и завала оконтурилось помещение (рис. 2). Это был большой зал площадью ориентировочно 15×5 м, вытянутый по направлению З—В с входом с севера и деревянными опорами перекрытия. Сохранились южная и восточная стены, образующие в месте соединения не прямой, а закругленный угол. Причем, такой же полукруг образуют эти стены и снаружи. И как внутри, так и снаружи в месте закругления сохранились пустоты от деревянных полуколонок. Внутри плоскость стены между ними оштукатурена, а снаружи видна кирпичная закладка и перед ней большой очаг.

Стены зала, сложенные из сырцового кирпича, сохранились на разную высоту — южная на 4 м, восточная на 1 м. Южная стена

толщиной 280 см имела следующую конструкцию: между двумя стенками шириной 160 см с тщательно выложенными только наружными плоскостями была кирпичная небрежная закладка. Кирпичи стены размером 50×25×11, 50×30×10, 60×30×13 см также имели тамги. Снаружи сохранилась часть пристроенной к ней еще одной кирпичной стены. Северная стена почти не сохранилась. Ее западный участок — это остаток, оштукатуренный с трех сторон: северной, восточной и южной. Восточный же ее участок разрушен более поздней выгребной ямой. Но и здесь обнаружен торец, оштукатуренный с трех сторон: западной, северной и южной, т. е. здесь находился вход, около которого были расчищены остатки кирпичной площадки 200×200 см.

На полу помещения лежал культурный слой толщиной 35 см, в котором отмечены зольники, обломки семи зернотерок, кости животных, керамика. На культурном слое стояли остатки двух стен времени каких-то перестроек помещения. Одна из них, сложенная из прямоугольных кирпичей, размером 50×35×10, 40×30×10 см, была расположена в восточной части зала, перпендикулярно южной стене, но не примыкала к ней вплотную. Длина ее 2,70 м, ширина 50 см, высота 100 см. Стенка стояла на большом очаге с зернотеркой и имела хорошую кладку только лишь

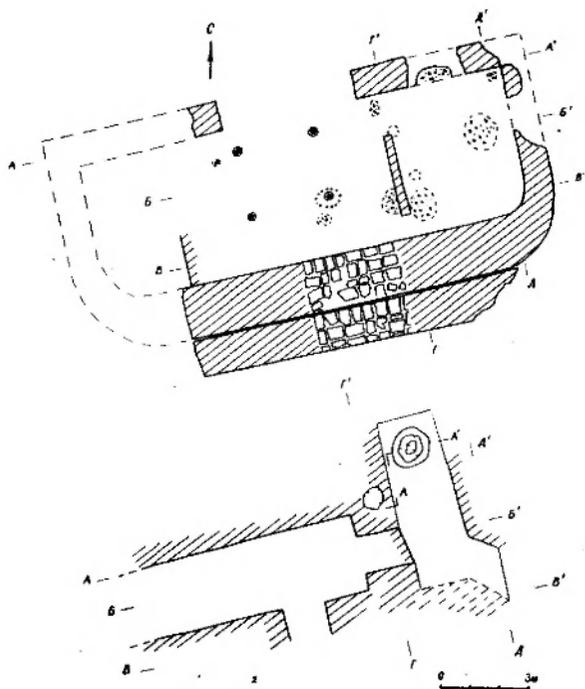

Рис. 2. 1 — план помещений Сым-тепе II, 2 — план помещений Сым-тепе I.

в верхней части. Кирпичи в кладке располагались вперевязку; на них были тамги: круг, круг с поперечной линией, две параллельные прямые. Западный ее фас был покрыт двумя слоями обмазки толщиной 4 см.

Остаток второй стенки длиной 150 см примыкал к сохранившейся западной части южной стены помещения. Нижняя часть останца — утрамбованный кирпичный завал с галькой, а верхняя сложена из прямоугольных кирпичей размером $42 \times 30 \times 10$, $40 \times 25 \times 8$, $37 \times 25 \times 10$ см. Его западный фас до низа был покрыт двойным слоем глиняной обмазки толщиной 3 см, причем обмазка покрывала и лежавший под ней культурный слой. Кирпичи тоже имели тамги.

Помещение было построено на кирпичной платформе, поверх которой и отмечено несколько прослоек пола с очагами и керамикой. Самая верхняя прослойка находилась на глубине 4,3 м, самая нижняя — на глубине 4,6 м. Ниже пола открылись слои кирпичной закладки, продолжавшейся до глубины 5,5 м. Размеры кирпичей $55 \times 30 \times 10$, $60 \times 30 \times 10$, $40 \times 40 \times 12$ см. Все кирпичи имели знаки в виде круга, перечеркнутого круга, прямого

или крестового креста. Ниже, до глубины 6 м, находился слой битой глины с обломками кирпичей, а затем опять ряды закладки до глубины 7,3 м. Под ней в восточной части раскопа лежал кирпич и битая глина, в западной части — битая глина с гравием.

На глубине 6,7—6,8 м в толще закладки выявилась планировка нижнего строительного комплекса, составлявшего основу цоколя верхнего здания (рис. 2). Удалось исследовать только часть этого комплекса, состоящую из двух помещений, условно названных восточным и западным.

Западное помещение раскопано не полностью. Это вытянутая в направлении 3—В коридорообразная комната шириной 2,5 м. Выявленная ее длина 8,7 м. Северная стена имела комбинированную кладку. Верхняя часть ее была сооружена из кирпичей, причем выделялся один слой толщиной 0,8 м и второй — толщиной 0,35 м, покрытые обмазкой. Ниже находился слой глинобитных блоков (высота 0,5 м) с хорошо заглаженной поверхностью, с отчетливо видимыми вертикальными швами. Стена кончалась на глубине 8,5 м.

Южная стена была сооружена в верхней части из кирпичной кладки толщиной 0,75 м. В глину добавлена мелкая галька. Ниже слой кирпичей размером $60 \times 30 \times 10$ см. Стена кончалась на глубине 8 м. В южной стене имелся проем шириной 1,4 м. С востока помещение замкнуто двумя широкими выступами, пристроенными к северной и южной стенам. Длина выступа 1,75 м, ширина 0,5 м. Выступы имели разную конструкцию: у южной стены выступ был сложен из битой глины, а у северной — из кирпича. Они кончались раньше, чем основные стены, на глубине 7,6 м и под ними лежал слой толщиной 0,7 м.

Между выступами был проход со ступенькой в восточное помещение. Пол в помещении плохо прослеживался. Стены стояли на слое плотной вязкой глины, ниже которой на глубине 8,75 м был отмечен чистый материковый песок.

Восточное помещение также выявлено лишь частично, сохранившиеся размеры — $2 \times 3,5$ м. Как и западное, оно, видимо, имело коридорообразную форму, но вытянуто с севера на юг. Восточная стена была сложена в верхней части из слоя пахсы толщиной 0,5 м, затем кирпичного слоя толщиной 0,5 м (кирпичи длиной 1 м) и еще слоя пахсы толщиной 0,8 м. Между восточной и южной стенами в следующее, нераскопанное, помещение шел проход. Стены восточного помещения конча-

лись на уровне 8,3 м. Толщину стен обоих помещений установить не удалось, но она превышала 1,5 м.

Культурного слоя на предполагаемой поверхности пола в помещениях не было. На ней были найдены лишь единичные черепки керамики.

Оба помещения, как уже отмечалось, оказались забутованы кирпичной кладкой. Кир-

была заложена галечным очагом и плохо прослеживалась в кирпичном завале. Более четко она выявилась в нижнем слое, где на глубине 8 м была заполнена завалом с большим количеством битых и целых зернотерок, обломками посуды и костями животных. Почти у самого дна лежал целый бракованный кувшин, покрытый темным тусклым ангобом. Глубина ямы — 10 м, на дне ее уже выступила вода.

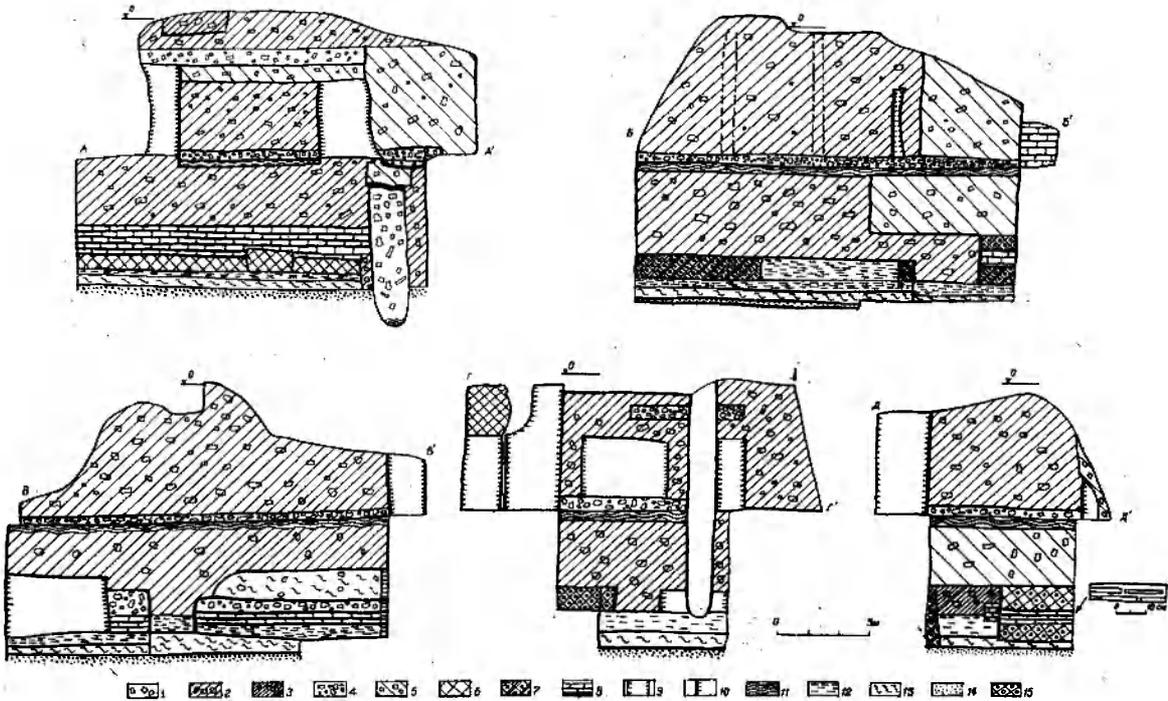

Рис. 3. Разрезы раскопа. Условные обозначения:

1 — кирпич из глины с галькой, 2 — кирпичная забутовка, 3 — остатки кладки, 4 — обломки кирпичей и зола, 5 — кирпичный завал, 6 — пахса, 7 — битая глина с галькой, 8 — кирпичная кладка, 9 — стена из кирпичей, 10 — штукатурка (обмазка), 11 — прослойка пола, 12 — темная глина, 13 — светлая глина, 14 — песок, 15 — кладка из битой глины с галькой.

пичи лежали на глиняном растворе толщиной 5 см и имели различные размеры: $50 \times 25 \times 10$, $60 \times 30 \times 10$, $40 \times 40 \times 10$ см. На кирпичях тамги: круг и круг с перекладной, крест. Последняя тамга обнаружена большей частью на квадратных кирпичах $50 \times 50 \times 10$, $40 \times 40 \times 10$ см. Таких кирпичей несколько больше встречено в нижних слоях закладки.

В восточном помещении закладку прорезали две разновременные выгребные ямы. Одна из них прорезала всю толщу напластований, кончалась в начале стен нижнего помещения и относится к самому верхнему строительному периоду. Вторая яма начиналась с уровня пола большого зала, сверху

Проведенные работы позволяют говорить о том, что открытые на Сым-тепе постройки относятся к четырем периодам (рис. 3).

I период (Сым-тепе I). Нижние помещения. Сравнительно небольшой раскопанный участок не позволяет судить, являются ли открытые здесь остатки строений жильем, или это конструктивные стены платформы. Отсутствие каких бы то ни было следов обитания в нижних помещениях скорее свидетельствует о последнем, ибо помещение II строительного этапа, хоть и заложено кирпичами, все же имеет явный культурный слой, так же как III верхний. Станным кажется и некоторое различие в структуре трех стен, необычная

пахса с большой примесью гравия, без четких швов и штукатурки. Фундамент отсутствует, постройка возведена прямо на песчаном слое. Сами длинные коридорообразные помещения также не похожи на жилые. Примеры сложных конструкций платформ известны в различных районах Средней Азии⁵, в том числе и в Фергане⁶, где внутренние стены фундамента были обмазаны глиной и заглажены.

Но все же категорически утверждать, что данный комплекс — это специально построенный стилобат, видимо, нельзя. Может быть, помещения существовали недолго, культурный слой был небольшим и вместе с кусками завалившихся стен был использован при выделке кирпичей для закладки комнат.

Поэтому мы оставляем вопрос о назначении конструкций I периода открытым.

II период (Сым-тепе II). Производится закладка нижних строений, на платформе возводится какое-то большое здание, от которого сохранилась часть большого зала с закругленными углами, деревянными столбами-колоннами для плоского перекрытия, со входом с северной стороны. Помещение, судя по характеру культурного слоя, было жилым. В широком плане перестройки внутри этого помещения можно отнести тоже к этому периоду, выделив период II а.

III период (Сым-тепе III). Закладка зала II строительного периода и превращение его таким образом в цоколь. Возведение каких-то построек, от которых сохранились лишь поверхность пола и культурный слой на глубине 100—125 см и надстройка южной стены помещения Сым-тепе III паховыми блоками. Возможно, что в этот период сооружена дополнительная кирпичная пристройка южной стены, укреплявшая ее снаружи.

IV период (Сым-тепе IV). Трудно сказать, к какому периоду относится «площадка А», т. е. самая верхняя кладка; был ли еще один строительный период между Сым-тепе III и прорезавшей все напластования выгребной ямой, или эта кладка и яма синхронны. Данных для суждения об этом недостаточно и потому мы можем уверенно отнести к IV этапу только выгребную яму.

Таким образом, на поселении сохранились явные свидетельства четырех (по крайней мере) перестроек, но ни в одном случае мы

не можем уверенно судить о назначении помещений.

На протяжении всей жизни поселения строительные приемы существенно не различались. Для всех этапов характерно использование сырцового кирпича, в тесте которого большая примесь самана. На большинстве кирпичей отмечены тамги (рис. 4). Кирпич прямоугольный нестандартных размеров. Но в нижних частях закладки нижнего помещения немного больше квадратного кирпича с тамгой в виде креста. Кладка стен II и III строительных периодов — цепная, тычком и ложком, с толстыми швами 5—6 см. Раствор затекал и в швы между кирпичами. Штукатурка стен глиняная с примесью мелко рубленой соломы. На стенах II периода до 4—5 слоев такой штукатурки.

Для стен I строительного периода (фундамента?) характерна комбинированная кладка: пахса с примесью мелкого гравия, со слабо различимыми швами и следами заглаживания пальцами. Кирпич примерно 30—50×20—25×8—10 см.

Пахса, отмеченная в III строительном периоде, иная, чем в первом — без гравия, с четкими вертикальными швами.

Для перекрытия и укрепления углов использовались деревянные столбы и деревянные полуколонки.

При раскопках была найдена почти исключительно глиняная посуда, причём довольно сильно фрагментированная. Общее количество фрагментов из всех строительных периодов — примерно 1500, определенных форм — всего 200. Последовательная закладка помещений затрудняет стратиграфическое членение материала, так как керамика из кладки, как правило, смешивается с керамикой заложенных помещений.

Выделение комплекса с пола в данном случае условно, и наиболее «чистым», видимо, можно считать комплекс посуды, найденный на полу помещения II строительного периода на глубине 4,3 м. Однако ниже этого пола, до глубины 4,6 м, т. е. в слое толщиной 30 см, были открыты еще обмазки и очаги, а еще ниже — кирпичный развал. И только с глубины 5 м началась плотная забутовка. Таким образом, с точки зрения стратиграфии весь слой с 4,3 до 4,9 м рассматривается как единый. Он и отнесен к Сым-тепе II.

Все, что найдено в закладке этого помещения, объединено с керамикой из культурного слоя на глубине 100—125 см (Сым-тепе III, 153 фрагмента, 40 форм). Конечно,

⁵ Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966, с. 215—221.

⁶ В раскапываемом нами в настоящее время здании-цитадели на поселении Куюк-тепе платформа также имеет сложную конструкцию.

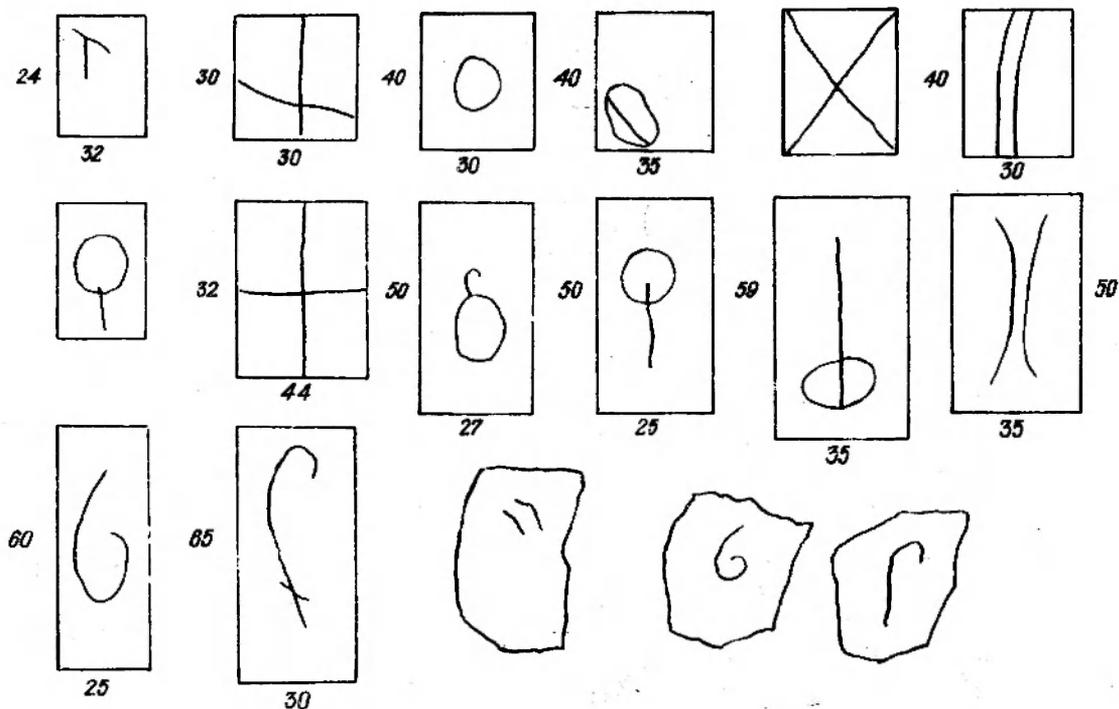

Рис. 4. Клейма на кирпичах.

это условно, но вычленив культурный слой Сым-тепе III практически было почти невозможно. То, что удалось выделить, — 36 фрагментов, среди которых не оказалось обломков, позволяющих судить о форме сосудов.

К Сым-тепе IV, как уже отмечалось, отнесены материалы из выгребной ямы.

Сложно обстоит дело со стратиграфическим выделением комплекса керамики Сым-тепе I, ибо культурного слоя не было и почти вся керамика найдена в закладке. Если следовать тому принципу, что и в Сым-тепе III, то керамика из закладки должна быть отнесена к Сым-тепе II. Но резкое отличие ее от этого комплекса и тождество с небольшим количеством обломков посуды, найденной на полу Сым-тепе I, позволяет нам рассмотреть ее отдельно от керамики Сым-тепе II.

Керамика I строительного периода (рис. 5). Всего найдено 970 фрагментов — 75 форм. На полу и припольном слое 190 фрагментов — 20 форм. Довольно большую группу (36%) составляют фрагменты станковых сосудов, крупных, типа хумчей, или больших кувшинов. Формы ее не восстанавливаются, нет даже закраин. Черепок имеет розовый, ровный цвет, никакого дополнительного по-

крытия нет. Большой процент обломков такой посуды не свидетельствует о преобладании ее, а объясняется крупными размерами сосудов.

Поэтому, если говорить о ведущей группе керамики этого периода, то предпочтение должно быть отдано станковой посуде, сделанной из глины с примесью тонкого серого песка (рис. 5). Черепок в изломе розовый, поверхность сосудов либо покрыта беловатым ангобом, либо без покрытия. Иногда на поверхности видны следы красной краски. Низ сосудов часто подрезался ножом на круге, что делало его гладким и блестящим. Эта посуда составляет 28%. Ведущие формы ее — миски и горшки. 1) Миски (рис. 5, 1—6) имеют форму стенок, близкую полусферической, небольшой скос к плоскому дну. Различаются по форме закраины: округлая или заостренная, T-образная, с площадкой по краю. Средний диаметр устья 16—20 см, высота 7—9 см. 2) Горшки (рис. 5, 11—16) имели шаровидное тулово, невысокую шейку, прямой венчик, иногда плавно отогнутый наружу или скошенный внутрь. На границе шейки и тулова иногда имеется небольшой валик. Средний диаметр устья 12 см, наибольший диаметр — 15 см, высота — 15—16 см.

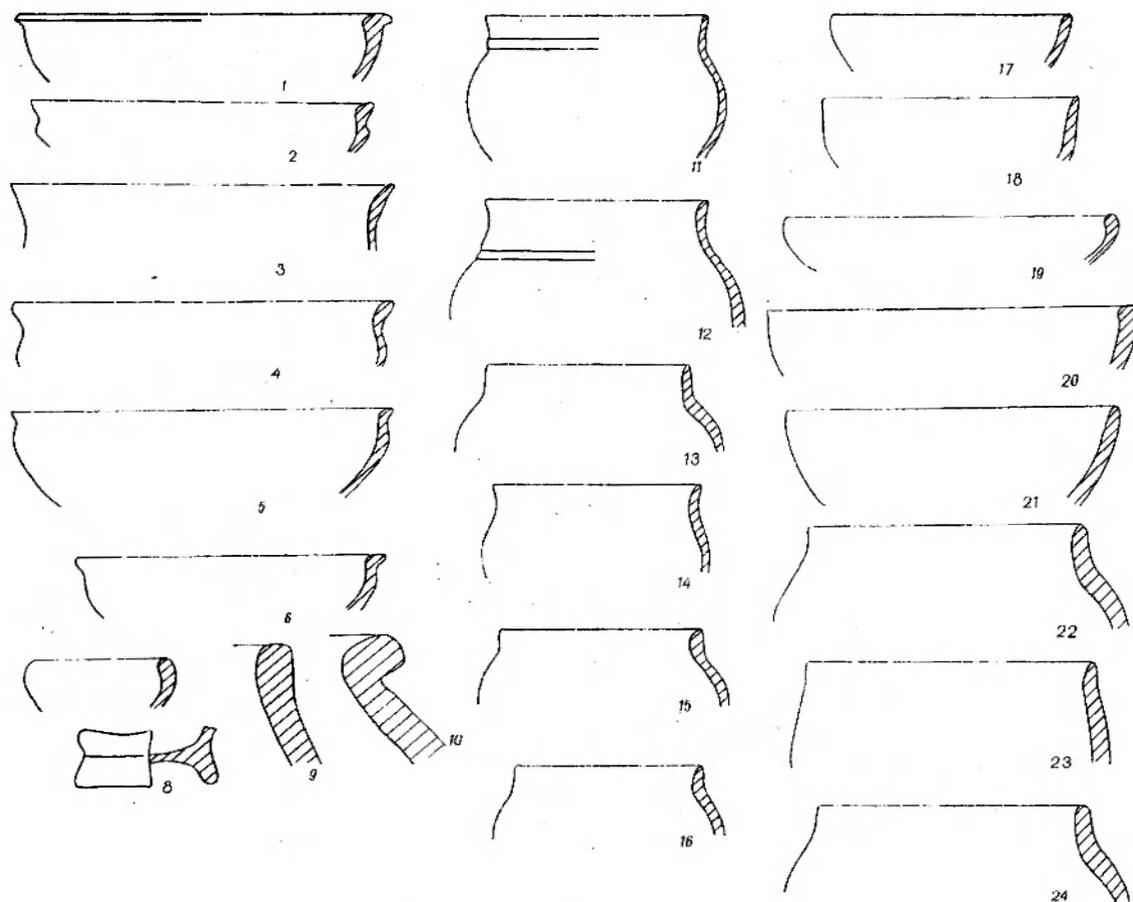

Рис. 5. Керамика Сым-тепе I.

Кроме этих основных групп сосудов, было найдено небольшое количество (5%) станковой посуды, покрытой красным ангобом. Это фрагменты мисок, форму которых восстановить трудно, и венчики кувшинов.

Лепная посуда (рис. 5, 7—10, 17—24) представлена либо обломками хумов (10%) с отогнутыми наружу утолщенными венчиками, либо небольшими сосудами, покрытыми красной краской (6%), сформованными на матерчатом шаблоне. Это в основном полу-сферические миски или небольшие горшки с прямыми венчиками. Один горшок (?) имел кольцевидный поддон.

Помимо керамики, в закладке первого строительного периода найдены два пряслица. Первое, найденное на глубине 6,35 м, имело коническо-шаровидную форму и заглаженную пятнистую розовато-серую поверхность. Высота прясла 2,2 см; диаметр его 3 см. Второе прясло, найденное на глубине 6 м, отличалось

от первого полушарно-вогнутой формой, но цвет черепка в изломе также был розовато-серый. Высота прясла 1,3 см, диаметр — 3 см. На вогнутой стороне имелся крестовидный знак, прочерченный по сырой глине.

По форме прясла ближе всего к пряслам из могильников V—III вв. до н. э. (Ак-тамского, Суфанского, Кунгайского)⁷.

Кроме этих находок, в закладке первого строительного периода найдены каменные орудия типа терочников, заготовка для оселка (глубина 7,15 м) и оселок с отверстием (глубина 6,85 м). Последний изготовлен из хорошо отшлифованного светло-серого камня. Его длина 8,4 см, ширина 2,4 см, толщина 0,9 см.

Таким образом, наиболее характерной и, видимо, определяющей для I строительного

⁷ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— АСГЭ, 1962, [вып.] 5, с. 102, рис. 5/26.

периода, можно считать станковую светло-глиняную тонкостенную посуду.

Керамика II строительного периода (рис. 6). 280 фрагментов — 71 форма. Станковая посуда представлена следующими формами: хумами, хумчами, кувшинами, мисками.

Хумы изготовлены из хорошо промешанного теста с небольшой примесью толченой ракушки. Черепок в изломе ровный, ярко-розовый. Поверхность сосудов покрывалась плотным белым ангобом. Целиком форма не восстанавливается, венчики же были слегка утолщенные и отогнуты наружу. Толщина стенок 1,2—1,5 см. Большинство обломков хумов найдено на полу зала и особенно в верхней части закладки, под первым полом помещения II строительного периода.

Хумчи изготовлены довольно тщательно из хорошего теста. Черепок в изломе имел ярко-красный цвет. Поверхность, как и у хумов, была покрыта белым ангобом. Венчики слегка утолщены и отогнуты наружу. Толщина стенок 0,9—1 см.

Кувшины — 7 экземпляров (рис. 6, 10—13) — изготовлены из хорошо промешанного теста, иногда с примесью мелкого песка. Внешняя поверхность сосудов покрывалась или светло-серым, или коричневатокрасным плотным ангобом. Ангоб имеет тусклый блеск. На одном кувшине поперечные полосы темного ангоба. Толщина стенок сосудов 0,6—0,7 см. У кувшинов короткое горло, прямой, плавно отогнутый венчик диаметром 10—12 см. На дне ямы, начинавшейся в большом зале, найден целый, но бракованный кувшин (рис. 6). Черепок в изломе имел, вследствие перекала при обжиге, желтоватозеленый цвет.

Горшки — 3 экземпляра — изготовлены из хорошо отмученной глины. Черепок легкий, звонкий, в изломе ярко-красный. Поверхность покрыта плотным ровным блестящим ярко-красным с оранжевым оттенком ангобом.

1) Небольшой горшок, близкий по форме кувшинам с шаровидным туловом, короткой шейкой, плавно отогнутым венчиком. Высота 11 см, диаметр венчика 7,4 см, диаметр корпуса 9,5—10 см, диаметр дна 4,5 см (рис. 6, 9).

2) Горшок с шаровидным туловом, прямым, резко отогнутым наружу венчиком в виде «воротника». На верхней части поверх ангоба по подсушенному сосуду процарапан орнамент в виде завитков и параллельных ломаных линий (рис. 6, 8).

3) Горшок с шаровидным корпусом и прямым округлым, вогнутым внутрь, венчиком.

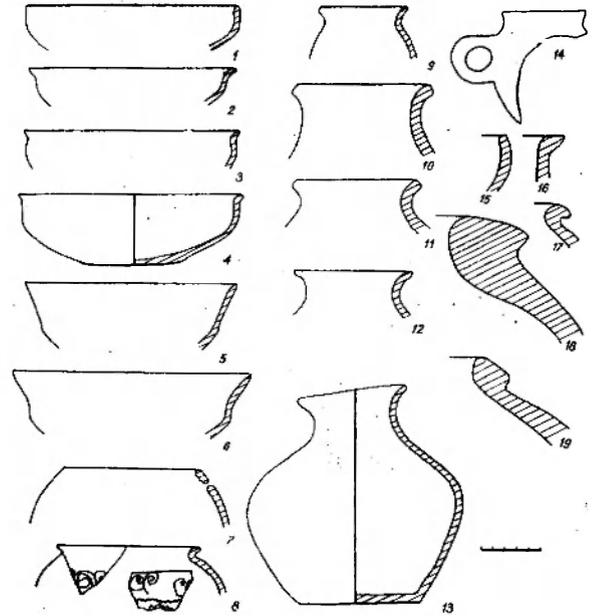

Рис. 6. Керамика Сым-тепе II.

У самого края имелось отверстие для веревочек (рис. 6, 7).

Миски — 23 экземпляра — изготовлены из отмученной глины и имели в изломе ярко-красный, очень редко — коричневый цвет. Поверхность была покрыта снаружи и внутри плотным блестящим ангобом, преимущественно оранжево-красного цвета. Но встречался также красный и коричневый ангоб. Выделяются следующие разновидности:

1) полусферические, плоскодонные, с прямым заостренным венчиком, сильно отогнутым наружу (рис. 6, 2—4). Поверхность покрыта оранжево-красным ангобом. Высота мисок 5,5 см, диаметр по краю 18,5 см, диаметр дна 8 см, толщина стенки 0,4—0,5 см (16 экз.);

2) миски полусферические, плоскодонные, с прямым утолщенным округлым или плоским краем (рис. 6, 1). Поверхность покрыта плотным блестящим ангобом красного цвета. Они более массивны, чем вышеописанные. Средний диаметр по краю 18 см, толщина стенки 0,7 см (2 экз.);

3) миски со слегка наметившимся перегибом посередине корпуса и прямым заостренным венчиком (рис. 6, 5—6). Поверхность покрыта красным или коричневым ангобом. Средний диаметр по краю 18—20 см, толщина стенки 0,6—0,7 см (4 экз.).

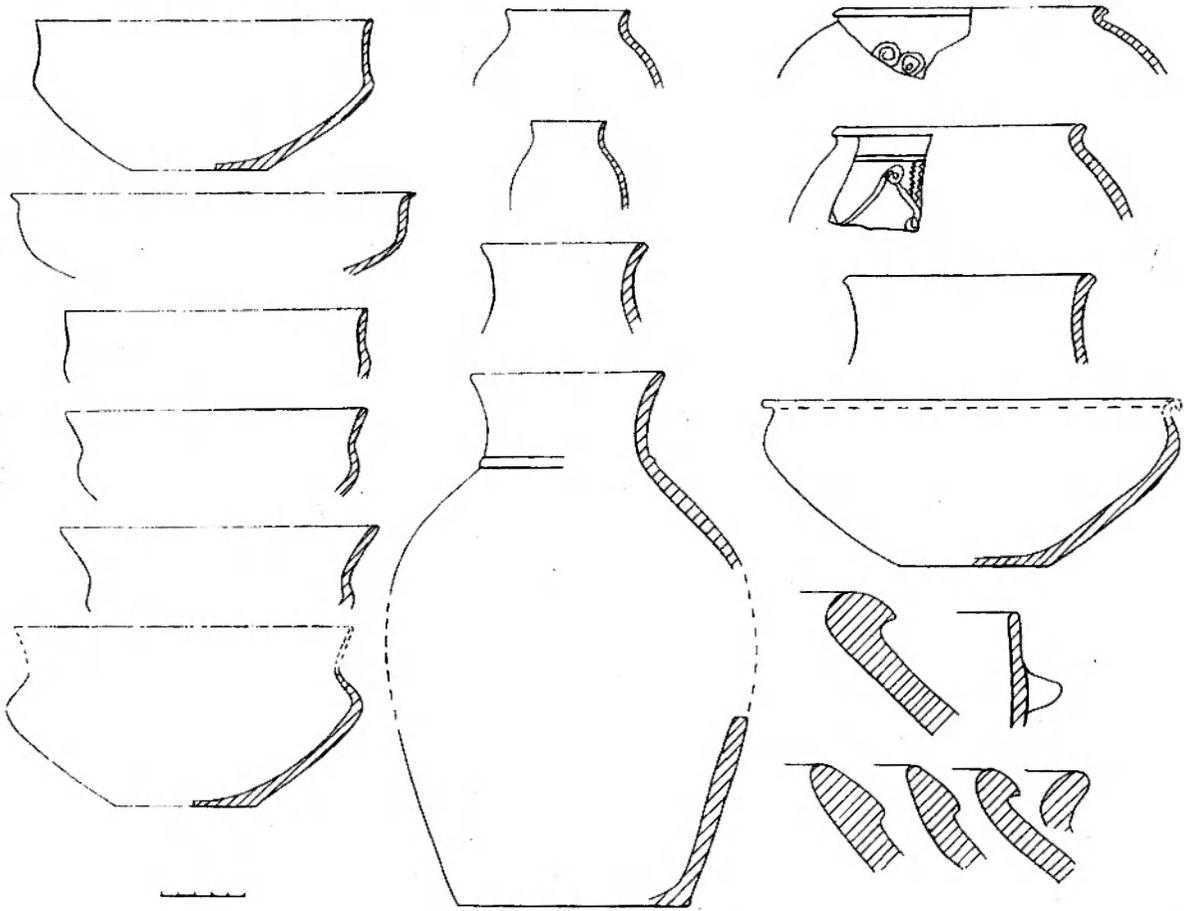

Рис. 7. Керамика Сым-тепе III.

Первый из описанных выше вариантов мисок преобладал над вторым и третьим;

4) миска с плавно отогнутым венчиком и полусферическим туловом (1 экз.).

Лепная керамика в слое II строительного периода составляла меньшую часть, по сравнению со станковой. Она представлена хумами, горшковидными сосудами, мисками и кружками.

Хумы имели две разновидности:

1) сосуды большой величины, с диаметром устья 60—80 см. Изготовлены из глины с большой примесью дресвы. Черепок в изломе имел кирпично-красный цвет. Поверхность заглажена, но без ангоба. Венчик утолщен с края и отогнут наружу в виде воротничка. Дно сосудов яйцевидное. Толщина стенок 2 см;

2) сосуды средней величины с диаметром устья около 50 см. Они изготовлены из глины с примесью или дресвы, или мелко толченого шамота, или растительных остатков. Че-

репок в изломе ровного красного цвета. Внешняя поверхность покрыта плотным белым ангобом зеленоватого или серого оттенка. Форма венчиков различна. Есть венчик утолщенной формы и отогнутый в виде воротничка, но преобладали хумы с прямыми закругленными с края венчиками, отогнутыми наружу почти под углом в 90°. Дно хумов плоское. Толщина стенок 1—1,5 см.

Горшковидные сосуды изготовлены из глины с большой примесью толченой ракушки. Внешняя поверхность заглажена и покрыта серым ангобом. Форма венчика прямая, со слегка утолщенным плоским или прямым, слегка скошенным внутрь краем. Иногда по краю венчика проводился желобок. Толщина стенок сосудов 0,8—1 см.

Миски изготовлены довольно небрежно из глины с примесью толченой ракушки. Черепок в изломе имел серовато-черный цвет. Внешняя поверхность обмазана тонкоотмученной гли-

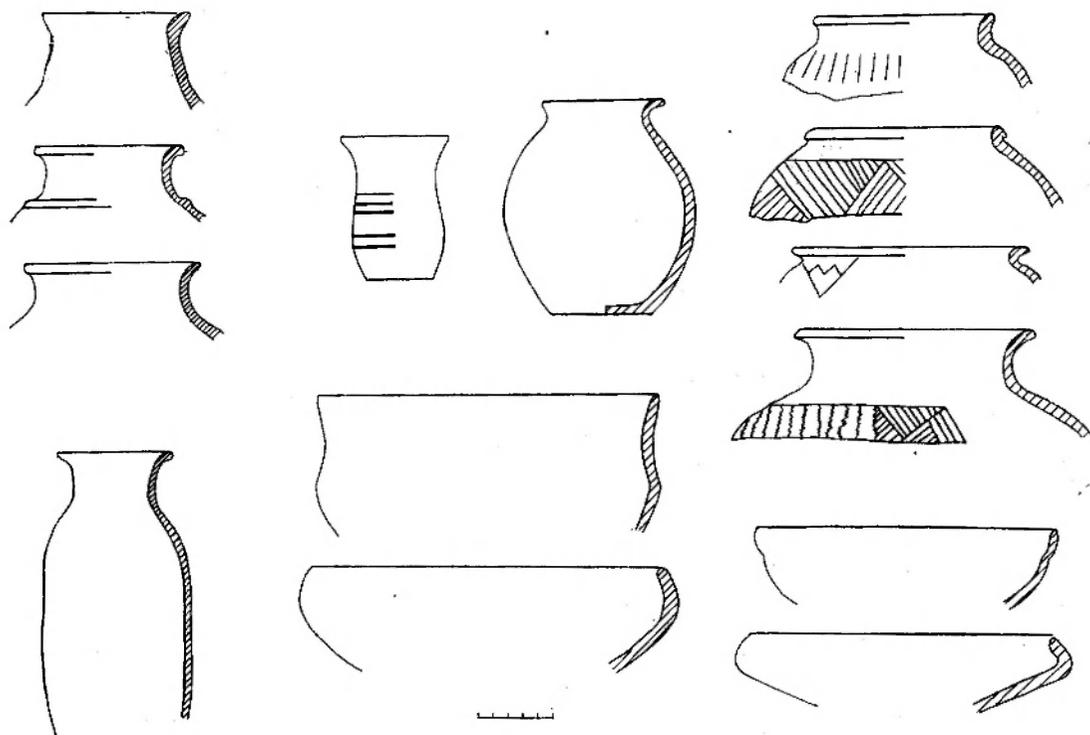

Рис. 8. Керамика. Случайные находки.

ной красного цвета. Форма мисок близка к полусферической, венчик прямой. Толщина стенок 1 см (14 экз.).

Кружки. Сохранились фрагменты от двух экземпляров. Форма одного из них полностью восстановлена. Кружка имела шаровидное тулово, небольшую шейку и прямой, слегка отогнутый наружу венчик. К средней части тулова была прилеплена петлевидная ручка. Высота кружки 10,5 см, диаметр устья 8 см, диаметр тулова 10 см, толщина стенки 0,5 см. Кружка вылеплена из глины низкого качества с примесью толченой ракушки. Черепок в изломе имел серый цвет. Внешняя поверхность заглажена и покрыта обильной копотью.

Кроме вышеописанной станковой и лепной керамики, в слое II строительного периода были найдены единичные фрагменты сосудов актамского типа, попавшие сюда из нижнего слоя.

Ко II строительному периоду относились найденные на полу зала две каменные палочки (сурьматаш) для подкраски бровей. Палочки изготовлены из темного серого камня, хорошо отшлифованы и имели среднюю длину 6—7 см. На полу и в яме второго строительного периода найдены также много-

численные зернотерки овальной формы, изготовленные из серого зернистого камня (порода камня не установлена).

Керамика III строительного периода. 153 фрагмента — 40 форм. В эту группу объединены материалы из закладки зала и из слоя III периода (рис. 7). Смешанный характер ее очевиден. В целом она мало чем отличается от керамики II периода: те же формы и так же изготовленные горшки и кувшины. Небольшое количество экземпляров (9 шт.) не позволяет судить, произошли ли существенные изменения. Найдены еще фрагменты горшков с процарапанным по подсушенному ангобу геометрическим орнаментом. В группе мисок изменения, насколько можно судить, коснулись мисок с перегибом. Если в Сым-тепе II этот перегиб только намечался, то в Сым-тепе III можно видеть уже более развитую форму (хотя и всего 2 экземпляра) с четким перегибом и более высокой верхней частью сосуда. Некоторое отличие есть и в ангобе. Наряду с продолжающим существовать оранжево-красным ангобом, появляется ангоб темно-красный и черный.

Лепная посуда идентична посуде Сым-тепе II.

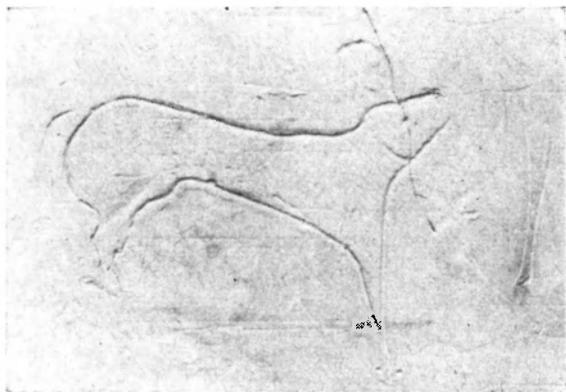

Рис. 9. Изображение на хуме.

Скорее всего, ко времени II и III строительных периодов относятся и ряд сосудов, найденных при земляных работах около Сымтепе (рис. 8). С 1952 по 1962 год здесь, на сравнительно небольшой территории, было найдено 7 хумов вытянутой формы, с очень маленьким дном и утолщенным венчиком в виде «воротничка». Средняя высота хумов 1,5—1,7 м.

Особенно интересен один из них. На его корпусе по сырой глине были начертаны две фигуры животных (рис. 9). Одна из них, прочерченная менее четко и почему-то незаконченная, — фигура лошади с тонкими ногами и длинной, тонкой, изящно выгнутой шеей. Около нее более четко изображена фигура жеребенка (?) с вытянутой мордой. Видимо, сцена изображала кормление. По стилю изображение напоминает рисунки коней на Араванской напеле⁸. Процарапанное изображение лошади имелось и на красноангобированном, баночной формы, сосуде из слоя II строительного периода Гайрат-тепе⁹, а также на фрагменте сосуда из Куюк-тепе¹⁰. Кроме хумов, найден кувшин без ручки, очень небрежно изготовленный. В тесте видна примесь мелких частиц белого цвета. На серой поверхности кувшина сохранились следы неровно наложенного коричневатого-черного ангоба. Высота сосуда 15 см, диаметр устья 8 см, диаметр тулова 13 см, диаметр дна 8 см, толщина стенок 0,7 см. Найдены также станковые бутылкообразный сосуд и небольшой сосуд баночной

формы. Поверхность первого покрыта красным ангобом. Высота сосуда 21 см, диаметр устья 7,5 см, тулова — 10 см, толщина стенок 0,7 см. Сосуд баночной формы имеет резко отогнутый край. Черепок краснокирпичный в изломе, на поверхности следы красного ангоба и прочерчены пять бороздок. Высота сосуда 9,5 см, диаметр устья 7 см, корпуса — 6 см, дна — 5 см. Толщина стенок 0,3—0,4 см. Найден также сосуд типа кувшина или крупного горшка с полосой процарапанного геометрического орнамента по плечикам.

Находки IV строительного периода. В выгребной яме найдено довольно мало керамики (рис. 10). Преобладают фрагменты грубых лепных сосудов. Тесто слоистое, серое, с примесью толченой ракушки. Сохранились венчики, наклепные полукруглые ручки, украшенные углубленными насечками, стенки с орнаментом в виде налепного жгутика с зашипами или росписью бурой краской (точки и полосы). Найдены также обломки хумов, орнаментированных по венчику углубленными волнистыми бороздками, горло крупного кувшина из зеленого стекла.

Кроме керамики, из выгребной ямы были извлечены стеклянные предметы типа неправильных конусов с закругленной вершиной. Они изготовлены из непрозрачного стекла темно-фиолетового (8 штук) и темно-зеленого (13 штук) цветов. Размеры их колеблются в пределах: высота 3,3—3,7 см, диаметр основания 2,4—3 см. По форме эти предметы напоминают гири, но разноразной в весе не позволяет точно определить их назначение. 21 конус весит (в граммах): 21,8; 23,6; 24,5; 25,4; 26,3; 27,2; 3 шт. по 29,9; 2 шт. по 30,8; 2 шт. по 31,7; 2 шт. по 32,6; 33,5; 36,2; 41,8; 42,7. Возможно, что это фишки для какой-то игры, о чем говорит то, что они двух цветов.

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Аналогии станковой светло-желтой керамики Сымтепе I хорошо известны с городища Эйлатан¹¹ и могильников Ак-там, Кунгай и Суфан¹². Однако если в Сымтепе явно преобладает станковая посуда, то в указанных памятниках значителен процент лепной крашеной. Формы керамики в основном иден-

⁸ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26, с. 223.

⁹ Козенкова В. И. Гайрат-тепе.— СА, 1964, № 3, с. 232, рис. 6, 10.

¹⁰ Раскопки 1969 г. Материал не опубликован.

¹¹ Заднепровский Ю. А. Городище Эйлатан.— СА, 1960, № 3, с. 39, рис. 11.

¹² Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Ак-тамский могильник.— КСИИМК, 1967, вып. 69, с. 85, рис. 30, 14—23а; Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— АСГЭ, 1962, [вып.] 5, с. 98—100.

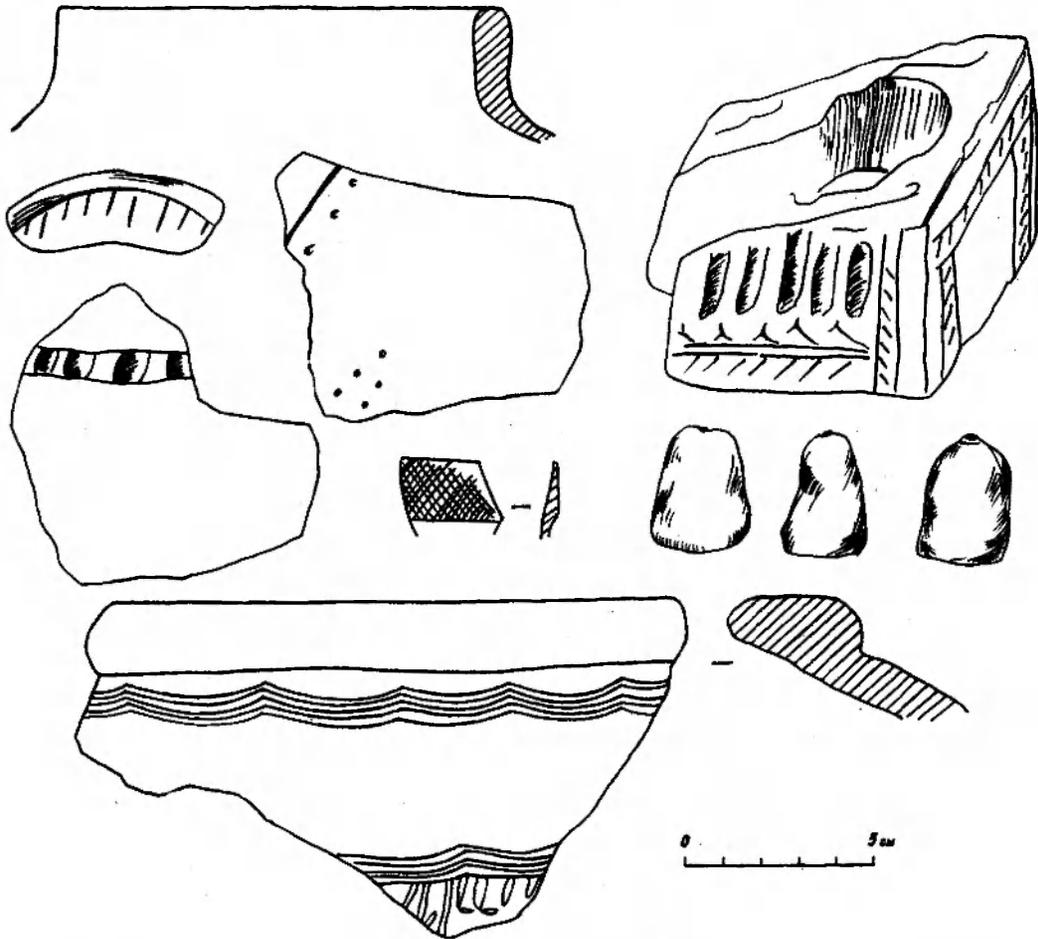

Рис. 10. Находки из выгребной ямы.

тичны, но сымтепинская посуда несколько более тонкостенная. Кроме того, для Сым-тепе характерно наличие следов красной краски на такой посуде. В одном случае есть даже миска с темно-красным ангобом внутри и светлой наружной поверхностью.

Если бы материал в данном случае был не из закладки, а из четкого культурного слоя, то можно было бы по аналогии с перечисленными памятниками и учетом указанных особенностей датировать I строительный период в пределах IV—III вв. до н. э. Но в данном случае следует лишь ограничиться предположением, что комплекс керамики в закладке мог оказаться и неполным, и правильнее будет отнести эту группу просто к эйлатанскому этапу культуры в Фергане, без уточнения даты. Наличие в закладке еще и керамики с красным ангобом не должно влиять на дату, так же как не следует на этом основании от-

носить ее к эйлатанскому периоду, ввиду того, что условия нахождения заведомо предполагают смешение материала.

Естественно, встает вопрос, насколько хронологически близко к эйлатанскому периоду здание следующего этапа. Очень заманчиво отнести его к периоду, непосредственно следующему за эйлатанским. Сравнительный анализ керамики с красным ангобом показал, что сымтепинский комплекс в настоящее время наиболее ранний, по сравнению с комплексами других поселений¹³. В нем, в частности, отсутствуют такие, характерные для других памятников, формы, как баночные сосуды без гофр или с гофрами, миски с двойным перегибом, крупные кувшины без ручек, украшенные кольцевидными полосами, фляги.

¹³ Горбунова Н. Г. Некоторые вопросы датировки ферганской керамики с красным ангобом.— АСГЭ, 1971, вып. 13, с. 86.

С другой стороны, простые полусферические миски с отогнутым краем на других памятниках не встречены или встречены в очень небольшом количестве.

В комплексе Сым-тепе почти нет даже, столь характерных для ферганских поселений и могильников, мисок с перегибом по центру тулова. Обнаруженные в здании II строительного периода миски имеют только как бы намечающийся перегиб. Правда, в комплексе III строительного периода и в подъемном материале незначительное количество таких мисок есть. Есть даже фрагмент одной миски с намечающимся двойным перегибом. Кувшины большей частью покрыты сплошь красным ангобом, а не полосами или потеками, как позднее. Горшки с процарапанным орнаментом, широко известные в Фергане, здесь найдены в небольшом количестве. В целом весь облик керамики отличается хорошим качеством отделки, сосуды тонкостенные, ангоб, особенно на сосудах II строительного этапа, с оранжевым оттенком, поверхность сосудов блестящая. Формы полусферических мисок несколько напоминают миски эйлатанского этапа, т. е. имеются все основания рассматривать Сым-тепе II, в первую очередь, действительно как наиболее ранний из комплексов красноангобированной керамики.

Сым-тепе III соответственно несколько позже, он хронологически ближе к керамике Керкидонских поселений.

Сым-тепе имеет и некоторые другие особенности. Это пока единственный памятник в Фергане, где обнаружено такое количество кирпичей с клеймами. Кроме того, здесь совершенно не употреблялись столь характерные для Керкидонских и некоторых других поселений гуваляки. И хотя для датировки этот факт пока ничего не дает, учитывать его нужно.

Исходя из сложного пока еще положения с датировкой ферганских керамических комплексов, не следует давать строгие абсолютные даты комплексов Сым-тепе II и III. Ориентировочно — это рубеж или начало нашей эры, но происходило ли последовательное заселение памятника без перерывов от эйлатанского этапа, или здесь есть хронологический разрыв между Сым-тепе I и Сым-тепе II и III — сказать трудно.

В порядке предположения можно сказать, что, по-видимому, в дальнейшем будет обнаружен комплекс красноангобированной керамики, очень близкой по форме станковой посуде эйлатанского этапа и генетически с ней связанной. Во всяком случае данные, имеющиеся на Сым-тепе, позволяют об этом говорить. Именно такого типа комплекс, скорее всего, и заполнит лауну в хронологии после эйлатанского этапа.

Что касается Сым-тепе IV, то его отнесение ко времени развитого средневековья несомненно, хотя датировку в веках давать мы воздерживаемся ввиду малочисленности материала. И в этом случае мы имеем, несмотря на стратиграфическую последовательность, разрыв по крайней мере в несколько столетий между концом Сым-тепе III и началом Сым-тепе IV. Не исключено, что выгребная яма Сым-тепе IV была сделана уже не на функционирующем поселении.

В заключение необходимо добавить, что в городе Фергане неоднократно при земляных работах находили хумы, по форме аналогичные найденным на Сым-тепе. Фиксация мест находок позволила увидеть, что все они располагаются по берегу Маргелан-сая. По-видимому, в древности в этом районе существовал ряд поселений, от сооружений которых до нашего времени дошло, и то неполностью, только Сым-тепе.